

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРОВ

В данной книге пистолеты-пулеметы называются автоматами — так, как это делалось до появления автомата Калашникова в нашей стране. Сочетание «пистолет-пулемет» авторы считают слишком неуклюжим и по сути своей нелепым для употребления в литературном тексте. Поэтому слово к ревнителям правильности терминов: в данном случае ваша ревность неуместна.

Также многие детали описываемых машин, механизмов и образцов оружия отличаются от привычных. Это сделано умышленно, для того чтобы подчеркнуть «альтернативность» изображаемой действительности.

— Ну сходи посмотри, что там с генератором... Что же ты такой ленивый? — сказала она, обернувшись от плиты. — Вторую неделю тебя загнать не могу, а если опять свет отрубят?

— Я не ленивый, я — выходной, — запротестовал я. — И к тому же поесть хотел. Поем — и потом сразу же посмотрю.

С этими словами я быстро пересек кухню, открыл дверцу холодильника и с преувеличенным вниманием уставился в его белое нутро, уставленное едой, словно размышляя над тем, чем бы себя покормить, чтобы прямо на месте не умереть с голоду.

— Закрой, — сказала она, вздохнув. — Я котлеты жарю, вернешься — и сядем за стол. А если ты сейчас поешь, то потом заявишь, что после еды отдыхать надо, потом уже темно будет...

— Чего темно-то? — немного возмутился я. — Времени всего два часа.

Я даже по циферблату часов пальцем постучал, доказывая правдивость своих слов.

— Это сейчас два часа, а когда ты поешь и отдохнешь, уже спать пора будет, — ответила она таким тоном, словно и вправду какую-то истину знала. — И в баню хочу зайти.

Это крыть было нечем, удар ниже пояса. Мне совершенно не хотелось идти на улицу, на ветер и мелкий, моросящий дождик, лезть в сарайчик и копаться там с

генератором, присев на корточки или согнувшись в три погибели. Но вообще-то сделать это было нужно — в последнее время несколько раз в нашем поселке отключался свет, причем всегда удивительно не вовремя. Этой весной, в пик паводка, вода норовила залить подвал, а заодно отключился свет. И что хуже всего — не включился генератор, питавший аварийный погружной насос в прямке, который должен был спасти дом от затопления. И нас дома не было: ездили к ее родителям в Петербург. Как результат — все двери в подвале разбухли, хоть под замену их, а заодно ножки столов, промокли громкоговорители в домашнем кинотеатре — в общем, убытку случилось выше башки.

Это все издержки переезда за город вообще-то, но с генератором по-любому нужно разобраться. А то он то включится, то не включится — не годится. И в баню я не против, хотя это вовсе и не баня, а электрическая сауна. Но зайти туда, особенно в такую погоду, все равно хорошо.

— Сходи, сходи, хотя бы разберись. Сам справишься или вызывать кого-то надо? — подбодрила она меня.

— Хорошо, схожу, — обреченно сказал я и, вздохнув подчеркнуто тяжело, поплелся к выходу.

Без году неделя живем вместе, а уже командует. Мало мне было одного брака — так во второй лезу. Но одному хуже. Да и она на самом деле вовсе не злодейка, а очень даже... во всех отношениях... особенно при закрытых дверях... баня, опять же...

На улицу действительно не хотелось: дождь с ветром шел уже третий день, было мерзко и холодно. Осень, фиг ли. Решив не мелочиться, я вытащил из ящика для обуви зеленые резиновые сапоги, которые сам именовал ресапами, разбудив при этом дремавшего на ящике кота, потянувшегося и покинувшего доселе спокойное место, натянул их на толстый носок. Не хрен промокать. Свитер, на свитер дождевик с капюшоном — так оно поуютней будет, типа «я в домике».

Ладно, надо идти. Спустился ниже, в цокольный, к двери в гараж. Надо инструменты взять — может, и сам справлюсь. Хоть и не великий специалист, но мелкий ремонт учинить вполне способен и разобраться на уровне «есть контакт — нет контакта».

Подумав недолго, собрал с висящего на стене стенда пару отверток, маленький разводной ключ и плоскогубцы, потом прихватил рабочие перчатки, выудив их из металлического ящика верстака. Достаточно, если что еще понадобится — зайду сюда еще разок.

Протиснулся между двумя машинами, заполнившими гараж запахами резины и бензина, нащупал в кармане большой пластиковый брелок с большой кнопкой. Легкое алюминиевое полотно ворот поползло кверху, подтягиваемое тросиком, на пол упал прямоугольник серого света с улицы. Елки-моталки, почему климат у нас не французский, а вот эдакий?

Дождик брызнул в лицо, с шуршанием ударил по дождевику, попытался сдернуть с головы капюшон, затрепыхал лапами плаща. Мерз-з-зко. К морю бы, в тепло, на солнце. На Коста-дель-Соль, например.

Сарайчик с генератором пристроился позади дома, рядом с дровяным навесом. Понимаю, что с точки зрения эстетики не идеал, но все же решил этот самый дэрчик в подвале дома, в топочной, не размещать. И запах от него солярный, и дым в перспективе. Мы тогда даже чуть поцапались — ей эстетика важнее, но мне все же удалось настоять, пугая пожарной безопасностью. На предмет самовозгорания, так сказать.

Над головой приоткрылось окно, за стеклом показалось ее лицо.

— На обратном пути дров прихвати, ага? Камин хочется затопить.

— Без проблем.

Камин мы с весны до осени обычно не трогали, но сейчас и вправду охота по такой погоде. Пора, сезон на-

ступил. И сесть рядом с книжечкой и коньячком. После бани. А что?

Навесной замок на сварной металлической будке открылся легко, а вот створка двери — с усилием: ветер так и норовил ее закрыть. Я накинул на ручку петлю из толстой проволоки, закрепленную на столбике деревянного навеса: света внутри не было, весь расчет на естественное освещение и маленький фонарик в кармане. Из сарайчика пахло солярной вонью, лишний раз подтвердив, что я все правильно сделал, настояв на отселении дэрчика. Небольшой агрегат на металлических полозьях солидно занимал центр крошечного помещения, от него тянулся кабель к стене, к белой пластиковой коробке.

Ветер бросил мне в спину через дверь вихрь мелких капель, заставив поежиться. Обойдя генератор по кругу, я присел за ним, разложив на бетонном полу принесенные инструменты.

— Так, и чего дальше? — спросил я сам себя.

Словно в ответ на мои слова порыв ветра с грохотом захлопнул дверь, погрузив меня в абсолютную, полную темноту, не нарушаемую ни единым лучиком света. От неожиданности я дернулся, попытался встать и приложился затылком о низкий потолок, да еще не о гладкий стальной лист, а о грань уголка.

— Блин, петлю сорвало, — пробормотал я, почесав ушибленный затылок.

Откуда-то сильно потянуло холодом, словно рядом открылась дверца холодильника, по спине пробежала волна озноба, затем все словно онемело — и лицо, и руки. Сильно закружилась голова, я даже вынужден был опереться на генератор, чтобы не упасть. Ощущение было такое, как если долго сидишь на корточках, а потом резко вскакиваешь и чувствуешь, что вот-вот свалишься в обморок. Заодно откуда-то вместе с холодом накатила волна страха. Самого настоящего детского страха, той самой боязни темноты, о какой я за многие годы даже

забыть успел. Показалось, что кто-то стоит прямо у меня за спиной и дышит в затылок, явно замышляя недоброе.

Не удержавшись, я рванулся в сторону, наподдав ногой по рассыпанному по полу инструменту, со звоном разлетевшемуся, суетливо сунул руку в карман, нащупав тонкий цилиндрик светодиодного фонарика, и, выхватив его рывком, как пистолет, включил. Темнота шарханулась от его яркого луча, а вместе с нею разлетелся и страх. Чего это я, действительно?

Потер лицо, возвращая чувствительность коже, зябко передернул плечами. Ну темнота, ну неожиданно, хрен ли я затрепыхался? Не мальчик ведь, всякого повидал. Хотел присесть, но потом сообразил, что света от фонарика все же мало — надо бы дверь открыть и закрепить по-человечески, чтобы ветром не срывало.

Дверь открылась легко. За нею вместо аккуратного, хоть и требующего стрижки газона оказалась высокая, мне почти по пояс, мокрая трава, слегка качающаяся на ветру. Вместо деревьев, декоративных туй, выстроившихся в ряд возле оштукатуренного забора, я увидел заросли осинника, а в них какую-то старую развалину с выбитыми окнами, провалившейся крышей, через которую проросло дерево.

— Это че это? — спросил я вслух, после чего кратко выразился нецензурно.

Никто не ответил. Я выбрался из сарайчика, огляделся. Вместо поленицы была груда валежника. Дома не было. То есть вообще не было! Росла здоровенная кривая береза, возле нее — остаток заваленной набок стены из красного кирпича. У меня в доме не было красного кирпича, были только бетон и пеноблоки с утеплителем.

— Ну и чего? — повторил я вопрос в немного иной интерпретации, ощущая, как сумасшествие плавно подкрадывается ко мне, готовое слиться в экстазе с моим постепенно срывающимся с направляющих мозгом.

Страх почему-то не было. Имелось эдакое ощущение, что вроде кто-то глупо подшутил надо мной, — знать бы кто. Знать и еще понять, как из этой шутки вы-

браться. Потом найти шутника и... нужное подставить. В меру своей фантазии.

— А дальше-то чего? — продлил я список идиотских вопросов.

Никто не ответил, естественно. Лишь большая серая ворона, усевшаяся на кирпичную развалину, каркнула, словно издеваясь. Я нагнулся за камнем, и она, как и подобает этой подлой породе птиц, не стала дожидаться броска, а сорвалась с места, захлопав крыльями, и полетела. Камень я все же бросил. Он описал бесполезную дугу и с глухим тихим стуком исчез в зарослях.

Не было ни дома, ни поселка. Ни даже дороги к поселку — только какая-то заросшая и заброшенная просека. Был дождь, был лес, абсолютно незнакомый, был запах леса. Не было никаких примет густо застроенного коттеджами пригорода Москвы, да и примет наличия самой Москвы поблизости тоже не имелось. То есть вообще ничего не было. Был сарайчик с генератором, был сам генератор. Сарай изменился — еще несколько минут назад сверкавший мокрой под дождем свежей зеленой краской, теперь он был ржавый, словно его забросили много лет назад в полном небрежении. Никакой проволочной петли тоже не видно.

Это снаружи. А вот внутри — наоборот. Все осталось таким, каким и было: чистый пол, новенький японский генератор, сверкающие инструменты с пластиковыми черно-желтыми рукоятками, рассыпанные по полу. Фонарик в руке.

Не стану скрывать, какие-то идеи по поводу произошедшего у меня мелькнули. Я даже закрылся в сарае с генератором и честно ждал новой морозной волны — в надежде, что она вернет все на место, — кому-то молясь о том, чтобы не сойти с ума окончательно, ругаясь и идиотски хихикая. Но ничего не произошло. Вокруг меня была самая обычная темнота, которая снова спряталась сначала от луча фонарика, а затем была окончательно добита серым светом снаружи, когда я вновь распахнул дверь.

— Не сработало, — громко объявил я неизвестно кому, разочарованный результатом эксперимента.

Я полагал, наверное, что скотина-шутник сидит где-то рядом и наслаждается происходящим, злорадно ухмыляясь. Даже не удержался и сказал вслух:

— Узнаю, чья работа, — порву на английский флаг.

Никто не испугался, да и не ответил мне. Даже ворон больше не было. Вообще ничего не было — только лес и какая-то развалина. И все. И еще я.

— И чего теперь делать?

Так и не понял, то ли я вслух это спросил, то ли мой внутренний голос поинтересовался у меня самого. Поэтому ответил уже вслух — не знаю, себе или внутреннему голосу:

— А хрен его знает.

И сел на мокрый кирпич заваленного куска стены. Идей не было. Можно было остаться здесь в надежде, что все разрешится само собой и я как-то попаду туда, откуда вывалился, или куда-нибудь идти. Куда? Да вот по просеке, например. Кто-то же ее прокладывал, так что куда-то она должна вести.

Курил бы — точно закурил. Я даже представил себя здесь задумчиво дымящим сигаретой. Но курить бросил давно, лет десять тому назад, так что картина была неактуальной.

Затем пришла мысль следующая: что она подумает? Я ведь здесь оказался не один, а вместе с сараем и генератором. То есть она в очередной раз выглянет в окно, чтобы, например, напомнить про дрова, — и что? Ни сарая, ни мужика в сарае? И что она все же подумает?

Ой, мама дорогая, что же это будет? Меня аж в дрожь бросило, когда я окончательно осознал, что не имею ни малейшего представления, куда нас с сараем занесло и чем это все закончится.

Затем пришла вторая мысль: надо отсюда валить. Искать людей. Людей с телефоном, которые скажут, где я нахожусь, дадут позвонить бесплатно, и тогда я позвоню

и попрошу выслать денег. На билет или на такси, если я не очень далеко. И скажу, что с ума не сошел, и она не сошла, а как приеду, так все и объясню. И был не у любовницы. Впрочем, на такси можно и не высылать — возле дома расплачусь. А сидеть здесь непродуктивно. Это как минимум, потому что вероятность встретить здесь людей так себе. Маленькая она, вероятность эта самая.

— Пойду, — сказал я неизвестно кому, поднимаясь на ноги.

На всякий случай собрал отвертки с пола — не бросать же добротный германский инструмент, — рассовал по карманам. И пошел. Продрался через кусты, обрушивая водопады капель с веток, выбрался на просеку. Очень похвалил себя за то, что обулся в ресапы, а заодно и дождевик накинул. Со мной такое редко случается, максимум, на что способен, — это добежать по двору бегом в чем был, но вот сегодня так не хотелось на мокрень и холод, что я этим одеванием время оттягивал.

Налево или направо? Собственно говоря, никакой разницы я не видел, но справа небо было яснее и светлее, а слева — совсем темное, как свинец, и висело низко-низко. Отчего вероятность вымокнуть была куда выше, если немного подумать. Я и подумал. И пошел направо.

Грязи не было, лесная почва — песчаная, да и просека травой заросла. Ее мокрые стебли хлестали по сапогам и полам дождевика, липли к ним, но идти было легко. Даже ветер был в спину, и дождь на лицо не попадал.

Затем я понемногу начал про себя напевать «Прощание славянки», стараясь идти в ногу с ритмом марша, и постепенно втянулся. Шагал широко, размеренно, время от времени задавая себе счет. Старался еще и дышать в такт шагам — вроде как спортивная ходьба. И успокаивает. И помогает поменьше думать, потому что думать плодотворно не получается. Фактов у меня мало, понимаете. Есть всего один, зато размером с весь этот мир: я оказался непонятно где. И непонятно как. Я живой, судя по внешним признакам, я здоров, со мной ничего

не случилось, но я ничего не понимаю. И если начинаю анализировать ситуацию, то прихожу к простому выводу, что анализировать нечего. И вообще невозможно. Поэтому — раз, раз, раз-два-три, шире шаг! Р-раз, р-раз, раз-два-три!

«На месте! Стой!» — так я скомандовал себе, когда отмахал не меньше пяти километров, если верить наручным часам, знанию средней скорости пешего марша и исходить из того, что я и вправду шел, а не лежал в коме где-нибудь в Скиффе, куда меня привезли... после удара током, например. Я же как раз к кабелям лезть собирался. Полез, например, а оно меня и... стукнуло, в общем. Ударило.

Остановился же я потому, что просека вывела на дорогу. Дорога — сказано сильно в данном случае, это было скорее «направлением», разбитым проселком, не знакомым с таким явлением, как асфальтовое покрытие, но зато явно не чуравшимся автомобильных колес. И вывод такой я сделал из того, что следы покрышек, отпечатанные на мокрой земле, спутать с чем-то очень сложно. Разве лишь предположить, что проползла змея с протектором. Прокатилась.

— Это радует... — пробормотал я, присаживаясь на корточки и разглядывая след. — И куда же ты проехал? И откуда? В смысле идти-то мне куда?

Понять по следам, куда ехала неизвестная машина, понять не удалось, следопыт из меня так себе. Хреновый следопыт, чего уж скрывать. Единственное, что этому следопыту удалось установить, — что машина здесь проехала не одна, были и другие следы, просто уже расплывшиеся.

— Тогда опять направо, — сказал я сам себе, — потому что «не ходи налево».

Обосновал вроде как. Объяснил. Да и небо, опять же, было справа посветлее, отчего внутренний голос советовал туда и идти. Поскольку других советчиков у меня не было, послушался этого самого внутреннего голоса.

Раз, раз, раз-два-три, раз, раз, раз-два-три... Идти даже легче стало, под ногами по-прежнему почти чистый песок, так еще и трава расступилась. Наезженное место — видать, катаются тут колхозники какие-то. Откуда и куда еще может вести проселок?

Прошел еще километров десять, устал. Все же отвык я от таких марш-бросков, давно не ходил подолгу. Спортзалом вроде не манкировал, ворочал железки всякие и мешок колотил, но вот ногами далеко ходить отвык, да еще и в ресапах. Хорошо, что носки толстые, — была ведь идея просто так сапоги натянуть да и выбежать. Теперь бы все в кровь уже стер, маялся бы и страдал.

Хотелось устроить себе привал, но окружающая действительность мало к тому располагала, потому что все промокло, как губка в тазу с водой. Справа — поле, травой заросшее, слева — лес, хвойный, ветки высоко, под деревьями тоже от дождя не скроешься. Надо бы хоть какое-то укрытие найти, там и посидеть минут пятнадцать, отдохнуть. Хоть и в дождевике, но как-то...

Еще через километр, к ликованию своему, наткнулся на какой-то непонятный домик с выбитыми окнами, осыпающейся с серой деревянной дранки штукатуркой и остатками шифера на крыше. Вбежал в него, радостный, словно и вправду что-то хорошее случилось и я не известно где, а уже почти что дома. Но таков человек — умеет не только большому радоваться, но и малому. И я — не исключение.

В многочисленные дыры крыши лила вода, но нашлись, к удивлению моему, и сухие места. Доски пола кто-то явно упер, не сами развалились, но фундамент никуда не делся и при этом делил помещение пополам: наверное, в свое время в середине на него что-то опиралось, что бы это ни было. Кирпич был волглым и холодным, поросшим мхом у земли и по стыкам, но, несмотря на это, я все же на него уселся, вдыхая запах сырости и запустения. Хорошо. И еще ноги вытянуть — подошвы-то уже гореть начали. Изнежился. Помню, еще в армии,

как после полугода службы однажды постучал пяткой по деревянному полу казармы и удивился тому, что звук был словно каблуком потопал. Вот тогда у меня ничего не горело, не то что сейчас.

Пить хочется. Огляделся, выбрал из многочисленных струек, что лились с крыши, ту, что потолще, подставил ладони, собрав их в ковшик. Когда набралось на глоток, поднес ко рту.

Вода как вода, холодная такая, как этот самый дождь. Чистая. Пей — не хочу. Впрочем, я хотел. И не торопясь, набирая горсть за горстью, минут десятьпил холодную воду по глоточку. Ладно, от жажды не умру. Насчет голода не знаю, но голодным человек может долго прожить — это без воды ему никак, загнетса.

Ладно, что дальше тут яйца высиживать, надо идти. Но едва сделал первый шаг по дороге, как остановился словно вкопанный. Мотор. Автомобильный мотор.

Закрутил головой, пытаюсь понять, откуда звук идет, и главное — куда, не мимо ли? Не по какой-нибудь другой дороге едет машина? Нет, сюда, и меня догоняет. Странный какой-то звук, словно давно знакомый, но неправильный. Где я подобный слышал? Мелькнули в голове какие-то детские ассоциации, двор, машина, ежевечерне заезжавшая за мусором, — «ЗИЛ»-самосвал. Он останавливался у высокого помоста с металлическими поручнями, и мой отец стоял в очереди на этот помост вместе с соседями. Они поочередно туда поднимались и переворачивали ведра, из которых в кучу сыпались бумаги, объедки и всякая дрянь. А потом дворник туда же выворачивал мусорные бачки, которые стояли по подъездам, воняли и собирали бездомных кошек, а летом еще и мух в огромных количествах. Он составлял эти роняющие помои бачки на специальную тележку с бортиками и, упираясь, катил все к тому же самосвалу.

Нет, не так.. «ЗИЛ» посвистывал пневматикой тормозов и гудел двиглом как большой шмель, а этот звук был с подвывом — как будто постанывает мотор, жалуясь на

судьбу... Точно! Хлебный «газон», который разгрузался в булочной, что была напротив нашего дома. Мрачный мужик в грязноватом халате распахивал створку кузова с надписью «Хлеб» и начинал вынимать оттуда деревянные поддоны с буханками и батонами, взамен забирая из магазина пустые. А бабульки, сидевшие до того на скамеечках у подъездов, вперегонки стайками летели к магазину, чтобы ухватить горячего, прямо с хлебозавода.

Я в напряжении ждал, уставившись на поворот лесной дороги, всматриваясь до боли в глазах, боясь того, что мне это кажется и никакой машины на самом деле нет и не будет, а будет брошенная остановка, пустой мокрый лес и бесконечная дорога, ведущая в никуда. Но вскоре из-за поворота действительно появилась машина.

В общем, я ошибся. Похоже, что показавшийся из-за деревьев автомобиль не имел никакого отношения к Горьковскому автозаводу. Высокий, какой-то кургузый и неуклюжий с виду, со скошенной назад решеткой облицовки радиатора с оторванной эмблемой, он постанывал трансмиссией и громыхал высоким деревянным кузовом. Мне смутно вспомнилось, что где-то я подобную машину уже видел — чуть ли не в кадрах военной хроники времен Великой Отечественной, но мысль так и не оформилась ни во что конкретное. Тем более что окрашен грузовик был в непривычно сочетающиеся крупные серые и зеленые камуфляжные пятна.

Ладно, черт с ним, подумалось мне, и я, шагнув вперед, поднял руку, призывая шофера остановиться и оставаясь при этом в глубине души уверенным, что машина проедет дальше. Как-то очень уж странно выглядело это все, и мне показалось, что шофер должен испытывать подобные же ощущения. И поэтому он плюнет на всякую благотворительность и рванет от меня как можно быстрее, чтобы не связываться со странным и непонятым.

Ошибся. Скрипнув тормозами и обдав меня запахом нагретой резины, грузовик проехал чуть дальше, но все же остановился. Я пошел следом, и... и как в стену уперся.

Водитель, среднего роста молодой, годам к тридцати, мужик с узким лицом и курносый носом, выбрался на высокую подножку и смотрел на меня. Но не только смотрел, но и... уставил на меня ствол довольно серьезно выглядящего пистолета-пулемета, кажется, даже самого настоящего ПППШ. Или ППС, что-то я не понял.

— Тебе куда? — спросил он таким тоном, словно все в порядке и я не стою с перекошенной рожей, испуганный и обалдевший.

— Ну... — совсем растерялся я. — Куда-нибудь к людям...

— Ага, — удовлетворенно кивнул тот. — Ближе подойди тогда.

Ствол оружия показал примерно куда. Туда я и пошел, не имея никакого желания спорить. Посмотрел на него внимательней, мимолетно удивился какому-то антикварному или даже сценическому наряду. Яловые сапоги памятного со срочной службы фасона, бриджи хэбэ, шоферская кожаная куртка поверх свитера, на голове маленькая фуражка вроде военной, но без кокарды. Старая такая, подобные еще в Гражданскую носили. Он ее на затылок сбил, так что темные волосы на лоб падали. Странный вид, очень странный. Под стать машине и оружию.

— Еще потерянец, — удовлетворенно сказал парень и вдруг посветил мне в глаза фонариком, который все время держал в руке.

Я поморщился, хотел отвернуться, но он крикнул:

— На свет смотри! Стрелять буду!

Пришлось смотреть — стрельбы, особенно по мне, не хотелось. Секунд через десять он кивнул, убрал фонарик, к удивлению моему, оказавшийся со шнуром, тянущимся куда-то в кабину, вроде обычной автомобильной аварийной переноски, затем спросил:

— К людям, говоришь?

— Вроде того, — кивнул я.

— А ты знаешь, куда именно? — спросил он с какой-то странной интонацией.

— Не-а... — покачал я головой. — Чего не знаю, того не знаю.

К моему изумлению, он удивленным таким ответом не выглядел, лишь усмехнулся и сказал:

— Так и думал. Садись в кабину.

И, опустив оружие, сам уселся за руль.

Меня второй раз приглашать не пришлось. Не задавая больше вопросов, хотя крутилось их в черепной коробке как мух в уборной, я обежал машину и полез на высокую подножку. Плюхнулся на твердое и неудобное сиденье с прямой спинкой, огляделся. Более чем спартанский интерьер с простенькими приборами на крашенной серым металлической приборной панели, здоровенный черный эбонитовый, или из чего их там делали, руль. Я такие сам с детства помню.

— К людям так к людям, — сказал шофер, подвешивая пистолет-пулемет к потолку, где у него специальное крепление было, причем явно не самодельное: машина и впрямь выглядела как военная. — Мне тоже как раз к этим самым людям и надо. Полное у нас с тобой единодушие наблюдается. Меня Федором зовут, кстати. Можно Федей звать. Можно Федькой. Даже Теодором можно, если охота.

— Владимир. Володя, — представился и я, пожав протянутую мне перемазанную машинным маслом руку.

— Рассказывай, Володя, как ты к нам попал, — заявил Федя, с лязгом врубая первую передачу длинным изогнутым рычагом с шарообразным набалдашником. — Развлеки рассказом, а то уже три часа один еду.

— К вам — это куда? — осторожно переспросил я.

— Да вот сюда, в лес этот, — ткнул он пальцем за окно. — Да ты не щемись, за психа тебя никто не примет, тут все такие, как ты. Или у всех такой же попадос, как и у тебя, случился, или мы все бредим хором. У меня вот три года назад с лихвой на работе в подсобке свет погас, а как вышел из нее — так оказался в развалинах каких-то, которые впервые в жизни увидал. А ты?

— Генератор во дворе полез чинить, ветер дверь хлопнул в сарай, — коротко обрисовал я положение, поняв, что лучше выкладывать все как было.

— Генератор? — не удивился, но чуть насторожился он.

— Ну да, а что?

— Его сюда тоже занесло? — вкрадчиво уточнил он.

— Ну... ага. Мы с ним на пару, так сказать.

— Повезло тебе, — решительно сказал шофер и вроде как даже задумался слегка. — Скатайся потом, забери. Их в городе ценят, берут дорого, заработаешь хорошо. Хотя властям продашь, хоть на базаре — без разницы. Если хочешь, сгоняем вместе, у меня вот машина своя. Ну и поделишься немного прибылями.

Он похлопал ладонью по баранке рулевого колеса.

— Там еще есть что, кроме генератора? — затем опять поинтересовался он.

— Не-а, в сарайчике только он стоял, — обломал я его в надеждах.

— Жаль, — вздохнул он. — Но тоже нормально. Ты досюда долго шел?

— Километров пятнадцать, — ответил я, прикинув.

— Вообще без проблем, за пару часов обернемся, — заключил он. — У нас ведь как — что с тобой провалилось, то твое безраздельно. Святая традиция. Я вот со шкафом провалился. А в нем была старая бухгалтерская отчетность предприятия. Прикинь, какая ценность. Только на растопку.

Я кивнул сочувственно и задал наиболее, на мой взгляд, важный вопрос:

— Федя, а где я?

— Под Углегорском, — ответил он, ухмыльнувшись как-то ехидно.

— Это в какой области?

— В Углегорской, — еще шире и еще более издевательски ослабил он.

— Гонишь? — спокойно поинтересовался я.

— Сейчас указатель будет, на въезде в город. Читать умеешь? Вот и читай.

Я ему поверил. Больно он радостный был — так бывает, когда кто-то правду знает, а кто-то дурак дураком, вроде меня сейчас. И собеседник заранее предвкушает, как ты «отправишься за ведром компрессии».

— Федь, скажи по-человечески, — попросил я, решив не выставлять себя дураком дальше.

— Если по-человечески, то не знаю, — вздохнул он. — Думаю, что никто толком не знает. Может, и на том свете даже, вполне допускаю. Мы это место Отстойником называем.

— Это почему? — опешил я.

— Ну так в двух словах и не опишешь. В общем, где еще может быть земля без людей? А тут ни единой живой души. В смысле из проживающих здесь всегда — только такие, как мы с тобой, провалившиеся.

— Не понял... а город откуда? — спросил я.

— А хрен его маму знает, — ответил Федя, вздохнув. — Тут все на месте — города, деревни, заводы, что угодно. А вот людей нет.

— Я ворон видел.

— Зверье есть. Даже медведей хватает с волками. И еще кое-кто есть. А людей нет, — ответил он.

— А куда они делись? — вконец озадачился я. — Вымерли?

— Вымерли бы — хоть кости бы остались. Нет — и все. Словно съехали неожиданно, все побросав где было. Причем давно. Ты из какого года сюда? Из двухтысячного попал?

— Ну да... — окончательно растерялся я. — А ты?

— А мы все из двухтысячного. Кто сегодня попал, кто вчера, кто десять лет назад — а все из двухтысячного. Впрочем, кого-то, кто попал раньше, чем за десять лет, я не встречал. Видать, недавно Отстойник открылся для посещения.

— Погодь, погодь, — прервал я поток непонятого гонева. — А вас тут много?

— Ну... в Углерогске тысяч уже семнадцать-восемнадцать, наверное. И в других городах живут. В окрестностях. На область тысяч пятьдесят наберется, я думаю.

— И все из двухтысячного? — уточнил я.

— Точно, — кивнул он. — Только дни разные. В какой день ты сюда попал, в такой и оттуда провалился. Сегодня двенадцатое октября там было?

Он ткнул перемазанным в масле указательным пальцем в потолок машины, словно подразумевая, что я свалился сюда с небес.

— Двенадцатое, — осторожно подтвердил я. — Октября.

— А я сюда три года назад попал, четырнадцатого ноября. Двухтысячного.

— Не наступило же еще... — растерялся я.

— Это у тебя не наступило, — опять ухмыльнулся он. — А у меня еще как наступило, три года назад.

— Погоди, погоди, — попробовал я зайти с другой стороны. — Ты что, хочешь сказать, что в двухтысячном в стране тысячи людей пропали? Десятки тысяч? И никто не чухнулся?

— Не, не так, — покачал он головой. — Все было не так.

— А как?

— Пропадает людей немного. А вот вариантов действительности, из которых они пропадают, бесконечное количество.

— И...

— И все они, кто провалился в двухтысячном, сыплются сюда. Как в помойку. Он так и говорит, что мы в помойке времен и миров. Поэтому и Отстойником назвали вроде как.

— А тут же жил кто-то? Они-то где? — чуть не закричал я, чувствуя, как извилины начали заплетаться веночком вокруг мозга.

— А вот этого не понял никто, — сказал он. — Тут по календарям, машинам, станкам и прочему — сорок восьмой год. Одна тыща девятьсот сорок восьмой. А если смотреть по тому, насколько все это состарилось, то получается, как понимающие люди говорят, что оно все без присмотра было лет пять-семь, не больше. А то и меньше.

— Понятно, — кивнул я и добавил: — Хотя ни фига не понятно.

— Мне оно тоже так, — проявил солидарность Федя. — Хоть я уже три года здесь. Почти: четырнадцатого ноября как раз три будет.

Федя замолчал, а я задумался так, что дальше некуда. Нет, с теорией множественности миров у меня проблем нет, я в любую теорию поверю, если она получит зрительное подтверждение — вроде как то, что сейчас получила. Вот как я в одном месте в сарай вошел, а в другом из него выбрался. Видел я такое раньше? Нет. А сейчас? Сейчас увидел. И даже поучаствовал, — чего же теперь не верить?

Правда, пока особой разницы с моим миром я не вижу: Федя ведь и гнать пургу может, развлекаться, импровизируя на ходу. Принял меня за бродячего психа, везет до психушки, а попутно прикалывается. Почему нет? Или просто за дурака принял: у меня морда так себе, вроде бандитской, что сразу за академика примут — никак не грозит. Хотя сейчас можно: сам открой академию — сам в ней и будь академиком. Без проблем, теперь таких много. Был завхозом на метизном заводе, уволили — стал академиком.

Хотя... кто на таких старых машинах просто так катается? Им место в музее, где с последнего экземпляра смотрители пылинки сдувать будут. И вот оружие, автомат этот, который пистолет-пулемет и который над головой висит. Я его сначала за ППШ принял, потом за ППС, да, видать, ошибся. Так вообще похож на ППШ — такой же штампованный дырчатый кожух на стволе, у дульного среза с наклоном, компенсатор это, чтобы не подбрасы-

вало, тут все нормально. А вот дерева и нет почти, если не упоминать странное небольшое цевье под стволом и рукоятку управления огнем. Вместо деревянного приклада — откидной плечевой упор из гнutoго стального прутка — выглядит грубо, но прочно.

И не диск, а рожок, к тому же придвинут близко к рукоятке управления огнем. Сильно придвинут. А рукоятка управления огнем как раз смещена вперед, и стоят рядом друг с другом, совсем как в «калаше». Ствол длиннее получился — это хорошо, пожалуй. Или просто так выглядит.

Да и вообще, о чем это я? Кто в мое время будет с пистолетом-пулеметом открыто кататься и на первых встречах его направлять? Это же срок с ходу.

— Слушай, что это у тебя?

Федя поднял глаза к потолку, опять ухмыльнулся и сказал:

— Если верить тутошним наставлениям, то пистолет-пулемет конструкции Шпагина образца сорок третьего года. А я про такого Шпагина и не слышал.

— Ты чего? — удивился я. — Шпагин в Великую Отечественную своим автоматом прославился, как не знать можно?

— Видишь? Сие и означает, что мы с тобой из разных слоев. Про Великую Отечественную слышал. Здесь. И вот про Шпагина тоже уже здесь узнал. А у нас такого не было — ни Отечественной, ни Шпагина. Понял как? Англия с Германией воевали — и все.

— О-па...

— Ага, срослось одно с другим... Ничего, привыкнешь. Тут оно как бывает: вроде даже по слоям реальности земляки встретятся, из одного места, а потом раз — и что-то вылезает. И чаще всего получается, что все из разных.

— Во как... Машина трофейная, что ли?

— Ага, «Опель-блиц». Слышал про такой?

— Че-то слышал... вроде, — кивнул я.

— Хороший шарабан, мне нравится. Техника трофейная, но так и своя есть, и американская — те вроде как помощь сюда поставляли, много ее. Оружие ихнее попадает еще.

— Слушай, Федь, — решил я еще о важном спросить, — а куда везешь-то меня? Не, я понял, что в Угледорск, а там-то куда?

— В контору по распределению таких, как ты, — ответил он сразу. — Или как мы, потому что других здесь нет — есть только те, кто сюда раньше попал и кто позже. Выяснят, кто ты такой и как сюда попал, с работой помогут, с жильем на первое время. А дальше... дальше начинай жить здесь, как мы все.

Перехватив мой взгляд, он усмехнулся, махнул рукой и добавил:

— Да нормально, жить можно, это тебе не Аляска, где одна баба на сто старателей была, тут все в пропорции.

Я так понял, что Федя высказался о наиболее существенном, на его взгляд. А что, вопрос тоже важный. Но не порадовал. Нет, все понятно, но вот не порадовал.

— Федь, а обратно отсюда — никак? — с робкой надеждой уточнил я.

— Никак, Володя, — твердо ответил он и головой помотал. — Никто отсюда не уходил обратно. Да это еще полбеды, Отстойник этот самый не зря за тот свет полагают. И не за рай. Я что, по-твоему, автомат просто так с собой вожу?

— А... есть причина? Криминал? Хищники?

— Есть криминал, — согласился он. — И хищники тоже попадают. А теперь вон туда глянь.

Он показал рукой на темные, тяжелые тучи, висящие за лесом низко над землей, скорее даже, лежащие на земле и поднимающиеся от нее в невероятную высь. Жутковатое зрелище вообще-то, неприятное и непонятное, если честно. Не зря мне в ту сторону идти не хотелось.

— Буря там, что ли? — прищурился я, глядясь.

— Тьма там. Самая настоящая Тьма. В Отстойнике, как, опять же, знающие люди говорят, встретились Свет и Тьма. Близко. Столкнулись, можно сказать, и перепутались, отчего у нас тут сплошные проблемы, мать их в душу. Вот и живем так..

— Стой, стой, а фонариком ты что проверял? — вспомнил я первый момент нашего знакомства.

— Вот это и проверял. И ты знай: встретил незнакомого человека не в городе или просто не там, где надо, — попроси на яркий свет посмотреть. Хоть бумагу зажги и перед глазами подержи. Если с ним что-то не так или это вообще не человек, то у него глаза черными станут. Секунд за пять.

— В смысле — черными? — не понял я.

— В смысле — вообще черными, — решительно махнул рукой Федор. — Ни зрачка, ни радужки, ни белков, сплошная чернота. Или даже белок черный окажется, а радужка со зрачком белесая, как негатив. И зрачок вертикальный. Только того, тут уже осторожней, реакция может быть всякая, в основном...

— Какая?

— Да простая: прошляпил — ты покойник.

Я посмотрел на него с подозрением, прикидывая, насколько он серьезен, но ни к какому конкретному выводу не пришел. Было желание послать его куда подальше с такими шуточками, да только с фонарика он и начал общение. Почему так? Есть ведь причина, наверное? А может, это он псих, а вовсе не я? Тогда все логично получается. Все кругом психи, а я... д'Артаньян, например. Чем не вариант? Мне нравится.

В любом случае здесь все же что-то не так. Неправильно здесь, взять тучи те же самые. Никогда я не видел, а повидал всякого много, чтобы вот такие были, почти черные. И вообще, смотреть на них как-то... зябко. Не хорошо на них смотреть — а это тоже странно, потому как я совсем не мнительный, а вовсе даже толстокожий и малоэмоциональный чурбан.

Я так задумался, что, когда машина подскочила на очередной глубокой колдобине, какими был богат этот грязный проселок, даже приложился затылком о заднюю стенку кабины, на что водитель сказал:

— Не погни.

— Раньше машины были крепкие, — ответил я.

— Голову не погни — за машины я знаю.

Я постучал по металлической простенькой панели с овальным лючком бардачка и спросил:

— Так это «Опель», говоришь? Твоя или работаешь на ней?

— Моя, — гордо кивнул он. — Когда взял, пробега на ней мало было. И вообще, почти без проблем машина.

— Дорого обошлась? — поинтересовался я, но так — лишь бы хоть что-нибудь спросить.

— Почти что в собственную башку, — засмеялся он. — Купить машину у нас трудно, то есть вообще не продают. Надо самому добывать.

— В смысле? — не понял я.

— В простом, — взялся он объяснять. — Машин целых не так много осталось, времени-то прошло немало... ну местного времени в смысле, с того как тут... — Он зашелкал пальцами, подыскивая слово, и я ему помог:

— Я понял.

— Ага, ну вот. Да и вообще, не так их тут много было — я так понимаю, что тут больше на лошадках катались. Ну и лишних вообще нет: если она целая, то могут просто на запчасти разобрать, а их на складе сложить. Так и делают в основном — чем потом-то чиниться? Если литье какое несложное или слесарка — сами сделают, а что посложнее — уже трудно. Поэтому начальство давится жабой и машины никому не дает. Нужна — найди сам.

— И ты сам добывал? — уточнил я.

— Ага. Нашел хорошее место, где они вроде как на консервации стоят, договорился на тягач да и вывез. Две вывез в общей сложности — одну городу отдал, они за целые платят хорошо, вторую себе оставил.

— А с башкой чего?

— Да вывез из одного места, а это на границе Тьмы, считай. Там всякое случается, да и светлого времени мало. Когда вторую тащил, чуть не накрылся. Но вот теперь катаюсь.

Он гордо похлопал по баранке, добавив:

— Везде лезет, везде тащит. Зверь-машина.

— Ты сам по себе работаешь? — задал я следующий вопрос.

— Не, я на должности в Горсвете, просто сутки через трое хожу — остается время еще и для себя подшуршать мальчика. Так, за чуток, на пиво и бензин. Сейчас вот с халтуры еду.

— А что делал?

— В Митино катался, лампочки выкручивал и провода снимал. Лучше бы еще за машиной сгонял, но это напарник нужен, а его нет. А так электрика всякая в дефиците, чуть не на вес золота. Производство не наладили, хоть и мечтают. Не хватает чего-то. У нас только бензин с соляркой тут производят.

Бензин, кстати, пахивал как-то странно, я еще в первый момент обратил внимание, когда машина близко подъехала, но значения не придавал — не до того было. А теперь заинтересовался, раз уж Федор сам тему поднял.

— А с бензином как?

— Дороговато, но есть, — ответил Федор.

— Откуда? Из запасов?

— Ты че? — удивился он. — Какие, в дупу, запасы? Запасы все давно закончились. Из угля гонят, по немецкой технологии. Ну и масла всякие, они тоже нужны.

— И как?

Про немецкий синтетический бензин я слышал и читал — немцы в войну вроде не жаловались на него. Разве что дороговат он выходил, если мне память не изменяет. Но может и изменять, не уверен.

— Да нормально, видишь — бегают. — Он в очередной раз постучал по рулю, как делал каждый раз, когда

заговаривал про свой «Опель». — Моя «Минерва», что в той жизни осталась, от такого бы масла с бензином загнулась, а «опелек» этот жрет и радуется.

— Че за «минерва»? — удивился я.

— Внедорожник японский. У вас таких не было? — даже не удивился он.

— Не было.

— Значит, че-то другое было, — заключил он с уклоном в некую философичность.

— Ага, наверняка, — поддержал я его логичный вывод.

Вскоре машина выбралась на старую и здорово разрушенную асфальтовую дорогу, на которой трясоти стало даже хуже, да и кузов загромыхал еще громче. Стало шумно, разговор увял.

Первое доказательство того, что Федя не псих и надо мной не издевается, пришло, когда из-за поворота дороги показалось поле, тянущееся к большому городу, а затем мы проехали мимо потрескавшегося бетонного указателя с каким-то барельефом, изображающим шахтеров и металлургов в трудовом порыве и с надписью под ними: «Углегорск. Город трудового подвига».

Город явно был немаленьким. Если бы у нас такой был, я бы о нем слышал, так или иначе. Виднелись трубы заводов, тянулась серой лентой река, теряющаяся между домами. За рекой виднелись холмы, чуть дальше превращающиеся почти что в горы. Если приглядеться, там можно было увидеть какие-то металлические конструкции, экскаваторы, еще что-то. Все тоже с виду заброшенное, но явно указывавшее, что тут есть что добывать.

— Углем город жил? — уточнил я.

— Углем и сталью, тут железа полно. Но мы только уголь добываем.

— А чего так? — удивился я.

— Металлолома выше головы, на веки вечные хватит, — объяснил он. — Но металлургический частично работает. Раньше он тут огромный был, а у нас — так,

фурычит помаленьку. Чуть-чуть тот же металлолом плавают, чуть-чуть катают, чуть-чуть льют и чуть-чуть слесарят даже прямо там. Железную дорогу вот строят, до Карьерного уже дотянули, «овечка» ходит. Электростанция есть — правда, она только на завод работает и еще на пару мест.

Поймал себя на ощущении, что смотрю телевизор. Репортаж с мест, о проблемах промышленного региона. Осознать тот факт, что я сам сижу в этом репортаже, пока не получалось. Было абсолютное ощущение нереальности всего происходящего вокруг.

Чем ближе к городу, тем все более мрачное впечатление он создавал. Он был заброшен, и это уже бросалось в глаза. Даже пять лет без людей не проходят бесследно для места, где люди должны быть. Это как покинутый дом вдруг начинает разрушаться удивительно быстро. Пока люди живут — ничего с ним не делается, а как покинут — и сразу трещины, запах затхлого, что-то ломается... Странно, но правда.

Да и с того момента, как люди исчезли, прошло уже не пять лет, как я понимаю. Пыль, грязь, бурно разросшиеся кусты, осевшие деревянные дома — окраина, частный сектор. Чуть дальше, ближе к центру, начали попадаться двухэтажные деревянные на каменных цоколях. Я таких давно не видел, а вот с детства их еще помню — настоящие бараки, у нас такие на противоположной стороне улицы были. Даже без водопровода, кажется, — там на углу колонка стояла, возле которой мы обожали играть. А тетки, приходившие из бараков за водой, нас гоняли от нее почему-то.

Колонки и здесь были. Тоже заброшенные, поржавелые, с облезшей синей краской. Из них воду давно не добывали, видать.

— А что людей не видно? — удивился я.

Действительно, улицы поражали еще и абсолютной безлюдностью. Пусть тут семнадцать тысяч населения всего, но хоть кто-то должен был мелькнуть.

— Люди в центре живут, компактно, — пожал он плечами, словно удивившись наивному вопросу. — Там и дома каменные, и безопасно. И сектор огорожен более-менее.

— А тут что?

— Тут опа-асно, — словно удивившись вопросу, протянул он. — Съесть могут или чего другое. Не так, как возле границы Тьмы, но тоже черт знает что творится.

— А так и не скажешь, — сказал я, глядя в окно. — Просто заброшенное место с виду. Пусто очень, правда.

— Это днем. Ночью куда хуже. Боремся как можем, но город большой. Везде не успеваем. Тут раньше тысяча двести населения было.

— А в центре безопасно, говоришь?

— Если по ночам не гулять.

— А чего тогда по ночам делаете?

— Дома сидим и водку пьем, — усмехнулся он. — Или что другое, если есть с кем. Да увидишь все, поймешь по ходу, есть где людям собраться и под крышей. Нормально живем, как люди, пусть и трудновато. А то начну объяснять — и только запутаюсь. Помаленьку все. Поначалу главное — слушай внимательно, что говорят. И все правила читай. Где они есть, там и читай, они тут не просто так писаны. А там работу найдешь, устроишься, разберешься. Сам таким был поначалу: вопрос на вопросе.

Вытащив из кармана серебристый портсигар с какой-то надписью, в котором обнаружился ряд толстых папирос, он взял одну, смял картонный мундштук в подобие примитивного фильтра и закурил.

— От прежних остались или местные? — спросил я, приоткрывая стекло двери.

— Курево-то? Местное, армяне какие-то гильзы делают и продают, а по реке возят табак с юга. Набиваем уже сами, машинками. Нормально, курить можно. Будешь? — протянул он мне.

— Не, спасибо, не курю я.

Машина пару раз вильнула по проулкам, разминувшись с большим встречным грузовиком, выехала на относительно широкую улицу с вросшими в брусчатку трамвайными путями, загремела покрывками по бульжнику. Затем нам навстречу попала бронемашина с открытым верхом, в которой, судя по торчащим головам, сидело человек пять, и на турелях стояли аж три пулемета.

— Классный «скаут», ленд-лизковский. А мужики в нем — разведбат, — пояснил Федор с уважением. — В рейды хрен знает куда катаются, самая белая кость в городе. Но туда попасть проблемно, хоть оно того и стоит.

— Опасно?

— Естественно, они на самые границы Тьмы ездят, те же меняются постоянно, — ответил Федор, а затем спросил: — А сам по работе что думаешь?

— Ну ты спросил, — усмехнулся я. — Откуда я знаю? Какие тут вообще работы бывают?

— Разные, почти как в нормальном мире. Почти. Ты вот сам как думаешь, что лучше? Спокойно и денег поменьше — или с проблемами, но побольше? Ну и свободы побольше тоже.

— А что предлагаешь? — уточнил я, поняв, что он к чему-то клонит.

— Да пока не предлагаю, но вот если ты в технике шарить, то можно на завод пойти. Или в мастерские куда. Но если не специалист, то хорошего оклада не будет — ученик, считай. Работа каждый день, охрана, безопасность, все такое. Ты не военный? — вдруг спросил он.

— Нет, только срочку служил.

— Ага, да и служба дело такое — на нее сразу не берут. Я сам в разведроту пытался, так даже слушать не стали. А у нас вот сутки отпахал, потом трое гуляй. На все времени хватает. И платят как мастеру на заводе. Ну чуток меньше.

— А минусы?

— Без башки остаться можно — это главный минус. Недостаток, можно сказать.

— С высокой вероятностью?

Он помялся, скорее сам задумался, затем сказал:

— Если сразу не накрылся, то потом долго проживешь. Я уже два с половиной года фонарщиком — и живой, как видишь. Если без ума куда не надо не лезть, действовать по инструкции, то жить будешь. Опять же, патронов нам не жалеют, с оружием нормально. По местным реалиям мне нравится. Ну и уважение, и все такое.

— И повеселее, наверное? — спросил я, прикинув, к чему клонит Федор.

Я задумался. Не то чтобы сразу на все согласен, но Федор мне кажется парнем нормальным. А заодно он мой единственный знакомый в этих краях — все какая-то подмога. Да и сам я такой: мне лучше с риском, например, но чтобы и денег побольше, и с тоски не помирать. Хотя тут помереть скорее не с тоски можно, а как раз наоборот.

— А чего за работа-то, вообще?

— Заброшенные дома освещать как можно чаще, — взялся мой спутник за объяснения. — А то в тени всякое завестись может: если долго не проверять, увидишь — сдуреешь. Ну и мы ездим по графику бригадой светим. Или если пробой где случается, ликвидируем.

— Что за пробой?

— Ну... ну вот подвал какой-нибудь, о котором никто не знает. — Федя изобразил при этом зловещее лицо. — И там темно с начала времен. И если там какие-то причины сложатся, то в подвале такое заводится, что не знаешь, как спастись. А то и просто канал во Тьму оттуда получается, как туннель. Вот мы и прикрываем район. Воюем тогда уже всерьез.

— Погодь, а ночью, когда везде тьма?

— Ночью — тень, — поправил он меня. — Или темнота, если хочешь. И время Тьмы. Тьма приходит через тень.